

18+

Юлия Савранская

**Ночные
ноктюрны
печали
и радости**

Стихотворения

Юлия Савранская

**Ночные ноктюрны печали
и радости. Стихотворения**

«Издательские решения»

Савранская Ю.

Ночные ноктюрны печали и радости. Стихотворения /
Ю. Савранская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-689530-0

В эту книгу вошли стихотворения разных лет. Единственное оправдание их появления на свет — автор никогда не принуждал их к рождению, оставляя за собой право на свободный выбор.

ISBN 978-5-00-689530-0

© Савранская Ю.
© Издательские решения

Содержание

Первоначала	6
В той поднебесной стороне	6
В тёмные-тёмные ночи	7
В замке ночном Монтефельтре	8
Золото ливней	9
Не этот дом, так тот...	10
Дорога	11
Вот мне уже грозит...	12
Вот кончился вечер...	13
Дамоклов меч	14
Как снежинка	15
Эхо	16
Юрский период	17
Кривотолки	18
Слепота	18
Ребекка	19
Офелия-на-мостах	20
Кто же увидит	21
Кошка	22
Между страниц были цветы	23
Кривотолки	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ночные ноктюры печали и радости Стихотворения

Юлия Савранская

© Юлия Савранская, 2026

ISBN 978-5-0068-9530-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Первоначала

Мы разгадать пытаемся тайну твою, мистическую суть. Но ты просто – камень, положенный в глуши болот, чтобы там выросла жизнь. А глаза твои – пугают, глаза золотые, мигающие, как огни болотные...

В той поднебесной стороне

В той поднебесной стороне,
в той жизни странной,
цветок усталый на столе,
была желанной.

Но — шаг к блаженной нищете,
и все сначала —
ищу в колодезной воде
первоначала.

В тёмные-тёмные ночи

В тёмные-тёмные ночи
время становится кротким,
ложится у ног и просит
о чём-то совсем невозможном.

Единственный раз, когда – просьбы,
а не приказанья-веленья,
когда не влекут за собою,
а тенью глубокой скрывают.

Единственный раз, когда дарят,
дают невозможные вещи,
неслыханное богатство,
по ценности равное тени.

В тёмные-тёмные ночи
время становится кем-то,
верным, негладным кем-то,
и просит об остановке.

В замке ночном Монтефельтре

В замке ночном Монтефельтре
столько влюблённых и нищих.
Пусто в твоей студиоло.

Двери крепки, Монтефельтре.
Здесь прерываются звуки,
здесь начинаются звёзды.

Пыль ежедневных разрывов
бархат тяжёлой портьеры
каждую ночь собирает.

Всё так спокойно, милый,
но на дубовых полках
все перепутаны книги.

Жаль, но сегодня к рассвету
ты не придёшь их расставить
так, как они бы хотели.

Ведь ты опять, Монтефельтре,
вывернул мир наизнанку
и ускользнул, не узнав.

Всё как обычно, милый...

«...Студиоло – обманка Монтефельтре – есть вывернутый наизнанку секрет небытия в самом сердце реальности, секрет всегда возможной глубинной обратимости „реального“ пространства...».

Ж. Бодрийяр. Тайна видимости.

Золото ливней

Золото ливней, живая земля.
Там где мы были, была ли я?
Леса дремотность, шёпот зимы.
Там, где жила я, жили ли мы?

Смерчем сонливым, нефтью в песке
встречи желанной жду налегке,
лёгкого бриза в светлых волнах,
тоненькой спички в детских руках..

Не этот дом, так тот...

Не этот дом, так тот,
не это небо, так другое,
то здесь, то там,
как тень дождя,
как ожерелье голубое,
кочующее по плечам,
по белым, смуглым, золотистым
красавиц, отлучившихся в былое.
Беспамятство...

Дорога

Я молчу.
Вздувшейся тенью лежит,
кольца развив, натянувшись струной,
дорога.
Чей-то взгляд
задрожит,
соскользнёт
с её лезвия вниз,
в шарик пурпурного цвета,
в немой
колокол сплавясь,
и разлетаясь
над головой
радугой полутонов.
Над моей головой...

Вот мне уже грозит...

Вот мне уже грозит
последнего безумства
расплывчатая тень.
Так северный олень
в полярном предвечерье
на запад повернёт тяжёлые рога.
Оттуда тьма ползёт
и множит отраженья,
и инеем струит молчание по мхам...

Вот кончился вечер...

Вот кончился вечер, и я
к окну подхожу и думаю —
это сейчас начнётся...
Глаза смеялись того, кто принёс
стихи о пурпурной розе
и каплю росы с её лепестков...
Та роза давно умерла,
а запах её мне вернули,
принёс его дождь в это утро
и долго бродил под окном,
пока я не улыбнулась.

Дамоклов меч

Как медленно стекает к рукояти
по волоску невидимому дождевая капля.
И смех высок, и одиноко длится
в стенах дворцовых. Голубая птица
комком трепещущим сползает по стеклу
куда-то вниз, прощая миру всё,
опять всё в мире перепутав.
Жизнь, и свобода, и стекло —
всё запеклось в крови,
всё в ней соединилось и срослось...

А мир прощённый молча наблюдал
С той стороны стекла...

Как снежинка

Как снежинка в снегу,
лежу
в твоей памяти.
Предпоследним сном,
каждый раз безнадёжно забытым,
выхожу
в твою полночь.
Я печальна всегда,
но эту печаль не узнать.
Оттого так прекрасен снег,
опускаясь на землю,
поднимаясь на небо,
каждый раз возвращаясь туда,
где когда-то он не был...

Эхо

Вижу закат, немею —
медленно гаснут краски,
но за последнюю крепко
держится сонное небо.
Тонкая нить Ариадны
в зыбких путях сновидца —
выйти из ночи и снова
встретиться с этой землёй.

Юрский период

Что-то случилось.
Мягкость ли воздуха,
или солёность
юной воды —
лёгким ожогом,
или следы
ящерок синих у линии берега
окаменели...

Там были мы.

Нас было много,
но с той поры,
как подступать стало к небу
море,
суша, туманясь —
к нашим крылам
(ног ещё не было,
как и сомнений...),
стаи в смятенье
заторопились
на юг.

Долго кружили
над ласковой бездной,
в недра её голоса опрокинув,
зная, что больше не будут ни звать,
ни отзываться —
те, кем мы были...

Кривотолки

Капля, повисшая над пропастью после схождения лавины, после последнего урагана, бывшая снежинка, застигнутая лучом солнца словно на месте преступления, смотрит вниз, наливается земной тяжестью, пересматривает всю свою жизнь...

Ave, Земля, я всё равно не долечу до тебя, как ты ни старайся.

Слепота

медленно медленно
шаг за шагом
поднимая невидящие глаза
к невидимому небу
двигаюсь к югу

легко легко
йота за йотой
протягивая пальцы
на которых растут глаза
в сторону света

Ребекка

Она не знала, что была второй женой,
но что-то явно её беспокоило.
Наверное, поэтому она часами
бродила по пустому дому,
когда он уходил по делам.
Она была сама себе невыносима —
заглядывала во все углы,
перетряхивала бельё,
гремела пустыми флаконами в ванной,
искала письма или счета.
Конечно, она не нашла ничего,
кроме разорванной нитки жемчуга
в ящике старого бюро.
Сначала ей показалось, что этого довольно,
и она села на пол, чтобы поплакать.
Потом решила, что это глупо —
вот так сидеть на полу, в слезах,
с белой бусиной на ладони.
Она поправила волосы перед зеркалом,
принесла из мокрого сада цветы
и, поставив их в вазу с водой,
принялась нанизывать жемчуг
на новую прочную нитку...

Офелия-на-мостах

идти по проспекту
идти по проспекту
не пропуская
ни одной реки
ни одного канала
каждый раз зависая
у ординара
потому что нужно узнать
когда же поднимется эта вода.

смотреть на воду
смотреть на воду
сквозь отраженья
того что было
того чего не бывает
внутри воды есть свет
внутри воды есть такие места
где течение застывает

среди всех вод
среди всех ушедших вод
потеряться уже не страшно,
потеряться уже невозможно

Кто же увидит

Кто же увидит – детская радость,
точкой отсчета пренебрегая,
круто взмывает кверху,
там рассыпается смехом,
клонится долу и замыкает
призрачный круг.

Кто же не знает — из ропщущей крови
выхода ищет страсть земная,
и вот рвутся корни, и рушится крона,
выхода нет. Я опять умираю,
внутри, в своё сердце, прорастая
колоса острием.

Кошка

Кто удержит кошку в последнем прыжке,
кто решит, что ему это только снится,
что зелёный, холодный, мерцающий глаз,
её коготь кривой, её влажный и красный зев —
это просто ночной кошмар...
Её ярости вензель кто разовьёт
выводя звукового послеста кривую,
в круг её замыкая...

Всё остановится, всё случится
между двумя выдыханьями: — О-о...
Крошечной чёткой, что не звучит,
не произносится, не бывает —
время смыкает секунды, пылинки секунды,
густо замешивая вязкий
раствор.

Всё голубеет, всё холодеет, всё каменеет,
всё оседает
в тусклых зрачках
пойманной мыши.

Между страниц были цветы

Между страниц были цветы,
лежала травинка из мокрого сада
и гаснущий запах, вобравший в себя
последние спазмы ночного кошмара
и жесты дневной суеты,
всплеск взгляда,
увязший привычно в «не верю»,
фальшивое «вечно» в начале игры...
Опять не узнала, что будет дальше —
измена, отмена, награда?

Измена – ограда. Благослови
на крепость чужого тела,
попробуй, в прицел меня разгляди,
и – выстрели.
Нет, не сносить мне до ночи
чьей-то буйной чужой головы...

Кривотолки

из меня пожалуй бы вышел толк
кабы знать из чего он соткан
как рождается и умирает
где хоронят его и потом
как поют ему вечную память

я пожалуй нашла бы смысл
кабы знала что он где-то есть
что по сути он прикладной
несмотря на свою абстрактность
и вполне приложим к каждой вещи

мне пожалуй вполне бы хватило
суеты этой несказанной
чтоб сказать что на свете счастье
все равно что покой и воля
есть и вечно пребудет с нами

всё наверное получилось
толк и смысл и небесное счастье
только толку-то больше кривого

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.